

Информация для цитирования:

Павлович-Шайтинац М. Лингвокультурологические элементы в тексте романа «Накануне» и анализ их эквивалентов при переводе на сербский язык / М. Павлович-Шайтинац, И. С. Тяпков // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 1. — С. 45—62. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-45-62.

Pavlović-Šajtinac, M., Tyapkov, I. S. (2024). Linguocultural Elements in Text of Novel “On Eve” and Analysis of Their Translated Equivalents in Serbian. *Nauchnyi dialog*, 13 (1): 45-62. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-45-62. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-45-62

Лингвокультурологические элементы в тексте романа «Накануне» и анализ их эквивалентов при переводе на сербский язык

Павлович-Шайтинац Майя¹

orcid.org/0000-0003-0794-2802

кандидат филологических наук,
кафедра русского языка и литературы,
философский факультет
maja.pavlovic.sajtinac@pr.ac.rs

Тяпков Илья Сергеевич²

orcid.org/0009-0001-1592-3305

кандидат филологических наук,
кафедра русистики,
философский факультет,

* *корреспондирующий автор* tyap74@
mail.ru

¹Приштинский университет
(Косовска-Митровица,
Республика Сербия)

²Университет Восточного Сараева
(Сараево, Босния и Герцеговина)

Linguocultural Elements in Text of Novel “On the Eve” and Analysis of Their Translated Equivalents in Serbian

Maja B. Pavlović-Šajtinac¹

orcid.org/0000-0003-0794-2802

PhD of Philology,
Department of Russian
Language and Literature,
Faculty of Philosophy
maja.pavlovic.sajtinac@pr.ac.rs

Ilya S. Tyapkov²

orcid.org/0009-0001-1592-3305

PhD of Philology,
Department of Russian Studies,
Faculty of Philosophy,
* *Corresponding author*
tyap74@mail.ru

¹University of Pristina
(Kosovska Mitrovica, Republic of Serbia)

²University of East Sarajevo
(Sarajevo, Bosnia and Herzegovina)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена вопросу кросскультурной коммуникации и трудных случаев перевода на сербский и хорватский языки лексических и фразеологических единиц из романа И. С. Тургенева «Накануне». Актуальность данного вопроса заключается в анализе перевода как акта коммуникации, в процессе которого репрезентируется языковая картина мира народа. Материалом для исследования послужили переводы разных лет романа «Накануне» на близкие русскому сербский и хорватский языки. В качестве *tertium comparationis* мы рассматривали перевод данного произведения на английский язык. Авторы проанализировали формы обращения и безэквивалентную лексику, а также фразеологизмы, которые переводчики представляли в своих вариантах перевода по-разному. В результате исследования обнаружено, что трудности вызывает перевод слов, обозначающих понятия, связанные с культурно-историческим русским контекстом. Показано, что переводчики на сербский чаще стараются учитывать исторические факты и при отсутствии эквивалентов в родном языке давать комментарии. Отмечается, что в настоящее время есть необходимость в лингвокультурологическом русско-сербском словаре, который поможет специалисту создать адекватный оригиналу вариант перевода.

Ключевые слова:

кросскультурная коммуникация; лингвокультурологические эквиваленты; перевод; Иван Тургенев; роман «Накануне».

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the issue of cross-cultural communication and difficult cases of translation into Serbian and Croatian languages of lexical and phraseological units from Ivan Turgenev's novel "On the Eve". The relevance of this issue lies in the analysis of translation as an act of communication, during which the linguistic worldview of the people is represented. The material for the study was translations of the novel "On the Eve" into Serbian and Croatian languages from different years, which are close to Russian. As a *tertium comparationis*, we considered the translation of this work into English. The authors analyzed forms of address and non-equivalent vocabulary, as well as idioms, which translators represented differently in their translation options. As a result of the study, it was found that difficulties arise in translating words that denote concepts related to the cultural-historical Russian context. It is shown that Serbian translators often try to take historical facts into account and give comments when there are no equivalents in their native language. It is noted that there is currently a need for a Russian-Serbian linguistic and cultural dictionary that will help a specialist create an adequate translation variant close to the original.

Key words:

Cross-cultural communication; linguocultural equivalents; translation; Ivan Turgenev; novel "On the Eve".

УДК 81'255.2+821.161.1ТургеневНакануне.03=163.41/42

Научная специальность ВАК

5.9.6. Языки народов зарубежных стран

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Лингвокультурологические элементы в тексте романа «Накануне» и анализ их эквивалентов при переводе на сербский язык

© Павлович-Шайтинац М., Тяпков И. С., 2024

1. Введение = Introduction

Исходя из актуальности вопроса кросскультурной коммуникации, исследованного в разных научных областях, таких как лингвистика, психология, этнология, социология, культурология, философия, очевидным становится факт, что в фокусе внимания исследователей находится коммуникация между представителями разных национально-культурных сред, имеющих различные языковые картины мира [Грушевицкая и др., 2003; Гудков, 2022; Фрик, 2013]. Первые шаги по исследованию языковой картины мира предприняты в работах В. фон Гумбольдта, воспринимавшего язык как «внешнее проявление духа народа» [Гумбольдт, 1985], и Э. Сепира-Уорфа, согласно гипотезе которого мышление определяется языком [Сепир-Уорф, 1993]. Современные исследователи рассматривают языковую картину мира как «совокупность представлений о мире, заключенных в значении слов и выражений данного языка» [Зализняк и др., 2005, с. 9]. Картина мира наиболее наглядно репрезентирована в языке и речи, а следовательно, и в художественной литературе. В том случае, когда речь идет о кросскультурной или межкультурной коммуникации, перевод является одним из важнейших способов представления уникальных культурно-языковых особенностей.

Сама теория кросскультурной коммуникации сформировалась на основе исследований американских ученых Э. Холла и Д. Трагера и была представлена в их опубликованной в 1954 году работе «Культура как коммуникация» [Hall et al., 1954]. Суть исследования заключалась в объяснении культурных различий и особенностей поведения представителей разных культур, что повлекло за собой и рассмотрение вопроса межкультурной коммуникации, то есть преодоления трудностей в общении, возникающих на почве именно таких различий.

С другой стороны, факт существования перевода письменного текста или устного перевода с одного языка на другой свидетельствует о своего

рода реализации кросскультурной коммуникации. Сама история переводческой деятельности, возникшей задолго до становления переводоведения (традуктологии) как научной области знания, демонстрирует, что человек всегда стремился к преодолению языковых барьеров с целью понять представителей других языков и культур. В связи с этим актуализировался вопрос, как реализовать перевод таким образом, чтобы приблизить к себе другую культуру. И здесь мы можем вспомнить слова Иеронима Стридонского из «Письма к Паммахию», написанные в IV веке, в них он объясняет свою переводческую концепцию, которая до сегодняшнего дня, по большому счету, остается востребованной: «Я перевел с аттического наречия самые известные речи двух красноречивейших риторов, обращенные друг против друга, Эсхина и Демосфена, — перевел не как толмач, но как Оратор, приспособив сами мысли и их выражение, как фигуры, так и слова, к нашей привычной речи. Я не считал необходимым передавать их слово в слово, но сохранил весь смысл и силу слов. Ибо полагал, что читателю слова нужны не по счету, а как бы по весу» [К Паммахию...].

С точки зрения нашей темы — реализации кросскультурной коммуникации путем перевода, — его слова «приспособив... к нашей привычной речи» и «не слово в слово, а передавая смысл и силу слова» показывают нам, где искать ответ на вопрос о сближении с другой культурой через перевод. Иными словами, последний по возможности должен содержать как можно более точную информацию, включающую, кроме денотативного, фоновое и коннотативное значения исходного языка, передаваемую лексическими единицами, характерными для языка перевода. В целом теория перевода развивается, пытаясь дать ответ на вопрос, как достичь лучшего перевода.

Предлагаемая статья посвящена анализу лингвокультурологических единиц, способствующих реализации кросскультурной коммуникации, в двух переводах романа «Накануне» И. С. Тургенева на сербский и сербо-хорватский языки. В целях сравнительного анализа данных переводов с переводом на неславянский язык мы рассматривали англоязычную версию романа «Накануне».

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Если с культурологической точки зрения посмотреть на анализ отношений «между языком как интерпретатором культурной информации и человеком, который с помощью языка создает эту культуру» [Маслова 2001, с. 35], то мы увидим, что в каждой национальной среде лингвокультурологические сведения чаще всего «фиксируются в мифах, легендах, обрядах, фольклорных и религиозных дискурсах, поэтических и прозаических текстах, фразеологии и метафорах, символах и поговорках» [Маслова 2001, с. 35]. Уни-

кальные для культуры значения чаще всего выражаются безэквивалентной лексикой и лексикой с фоновой и коннотативной семантикой. По мнению Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова, безэквивалентные и фоновые слова одного (в нашем случае русского) языка отличаются от соответствующих слов в других языках именно тем, что передают специфику, свойственную определенной национальной культуре [Верещагин и др., 1990].

Материалом для исследования послужил оригинальный текст романа «Накануне» И. С. Тургенева [Тургенев, 1977] и его переводы на сербский, сербскохорватский и английский языки. В Национальной библиотеке Сербии (НБС) зарегистрировано 11 изданий произведения, выпущенных в разных издательствах (Народна просвета, Просвета и др.). Однако в переводе нам удалось найти всего лишь два варианта. Дело в том, что, начиная с 1935 года, когда роман был напечатан в издательстве «Народна Просвета» в Белграде (самое старое издание, которое мы смогли найти), в переводе Зорки Велимирович [Тургенев, 1935], все последующие издания повторяли уже существующий перевод, кроме публикации 1963 года издательства «Матица Хрватска» в Загребе, где над переводом работала Майя Витрисал-Мулич [Тургенев, 1963]. Опубликованный в 2017 году издательством Делфи Класик перевод романа на английский язык, над которым работала Констанс Гарнетт (впервые издан в 1895 году), был доступен нам в онлайн-варианте [Turgenev, 2017]. Источниками информации о значениях лексических единиц в данном исследовании нам послужили русско-сербские, русские, английские толковые словари [Анђелковић, 1903; Кошутић, 1926; Ивановић et al., 1976; ТСРЯ].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Исторические связи русских и сербских культурных традиций

Говоря о русско-сербских культурных отношениях, уместно упомянуть первый зарегистрированный случай, свидетельствующий о данном факте, а именно сборник церковно-гражданских законов XIII века (1262 год) «Иловачка крмчия», который является «самой старой сохраненной переписью сербской редакции старославянского языка, написанной писцом Богданом и неким русским переписчиком родом из новгородской области» [Штавьанин-Ђорђевић, 1965, с. 65]. Именно русскому переписчику «приписывается употребление слова *съвоукупище*» [Ајдуковић, 2000, с. 45], которое является заимствованием из древнерусского языка.

Позднее, в течение XVI и XVII веков, сербские монахи получали образование в России и привозили оттуда книги и богослужебные пособия киевского или московского издания. До второй четверти XVIII века сербы использовали сербский вариант старославянского, а позднее и русский ва-

риант последнего. Это изменение было обусловлено внеязыковыми причинами: церковными, национальными, политическими и воспитательными. По просьбе митрополита Моисея Петровича Россия прислала церковные книги и учителей, поэтому в 1726 году, после открытия в Сремских Карловацах постоянной «славянской школы», русско-славянский язык стал основным литературным языком, на котором сербы приобретали грамотность и образование в XVIII веке. В школе преподавал русский учитель Максим Терентьев Суворов, привезший с собой «400 букварей с катехизисом (Первое учение отрокам) Теофана Прокоповича и 100 учебников по грамматике Мелетия Смотрицкого» [Ивић, 1988, с. 116].

Благодаря работе этой школы русско-славянский язык, фактически являющийся аналогом сербско-славянского языка, как русская редакция церковнославянского языка, возникшего очень рано, в период стабилизации церковнославянского языка в русской среде [Ивић, 1988, с. 117], врос в самый центр сербской школьной системы и таким образом стал языком образованных сербов того времени.

На распространение русского языка оказывают влияние как церковные и богослужебные книги, так и светская, научная, художественная литература. Кроме того, сербы, получившие образование в России, такие как Йован Раич, выпускник Киевской Духовной академии, или Захарий Орфелин, стремились русифицировать сербский литературный язык XVII—XVIII веков. Уже в 20-е годы XIX века потребность в церковнославянском языке отпадает, поскольку он больше не используется нигде, за исключением церкви. Появляется «Матица сербская» как литературно-научное и культурно-просветительское общество, которое сыграло значительную роль в создании и развитии сербского литературного языка. В то же время растет и интерес сербских литературных журналов к русской литературе. Так, например, «сразу после публикации поэмы “Руслан и Людмила”, принесшей поэту Пушкину признание в России, его имя попадает в поле зрения сербских литературных журналов, таких как старейший сербский журнал “Сербска летопис”. Уже в конце 30-х годов XIX века Пушкин воспринимается в Сербии как величайший русский поэт, по своему дарованию равный Шекспиру» [Шешкин, 2019, с. 7]. Что касается прозы и драматургии, то большое воздействие на сербскую литературу оказал художественный опыт Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева и Ф. М. Достоевского. Этот факт констатируется всеми исследователями русско-сербских литературных контактов XIX века [Шешкин, 2019]. Более того, интерес к русской литературе высок в сербской культуре и по настоящее время.

В каталоге НБС мы нашли 345 работ, посвященных творчеству А. С. Пушкина, большинство из которых составляют переводы; 367 —

посвящены Н. В. Гоголю; 905 работ — о Ф. М. Достоевском; 266 работ, посвященных И. С. Тургеневу, из которых только 11 изданий перевода романа «Накануне». Приведенные данные относятся к периоду с 1900 по 2023 годы. Данными за XIX век мы пока не располагаем.

Культурные, в частности литературные, отношения между двумя народами, описанные выше, имеют долгую историю, что подтверждает тесную связь сербской литературной культуры с русской и показывает, насколько важно кросскультурное взаимодействие, которое, кроме многого другого, подразумевает развитие и усовершенствование переводческой деятельности.

3.2. Перевод лексических единиц

В тексте романа «Накануне» мы обнаружили единицы разных уровней языка, которые могут быть интересны с точки зрения переводческого процесса. В данной статье мы рассмотрим ряд примеров лексического уровня, так как национально-культурная специфика произведения, как мы уже упоминали, чаще всего репрезентируется лексическими и фразеологическими фактами.

Слова и устойчивые выражения, с одной стороны, репрезентирующие уникальные факты русской культуры, а с другой — создающие трудности перевода, представлены формами обращения, безэквивалентной лексикой и словами и выражениями, называющими обычаи и традиции. В силу ограниченности объема статьи рассмотрим несколько из них: формы обращения, безэквивалентную лексику и идиоматические сочетания.

1. ФОРМЫ ОБРАЩЕНИЯ.

Рассмотрим *словоерс* ('название звука *с*, прибавлявшегося встарину к концу слов в знак почтения к собеседнику' [ТСРЯ, т. 4, стб. 272]) и обращение *братец* (табл. 1, 2) в русском тексте и сербском, хорватском и английском переводных вариантах.

Таблица 1

Примеры перевода номинаций со словоерсом

Нет-с; это не по моей <i>части-с</i> , — возразил Шубин и надел шляпу на затылок [Тургенев, 1977, с. 4].
Не, то није из моје области — одговори Шубин, заваливши шешир на потиљак [Тургењев, 1935, с. 8].
Nije, <i>molim</i> , nije to iz moga područja, molim — odgovori Šubin i istaknu šešir na zatiljak [Тургењев, 1963, с. 193].
'No; it's not in my line,' rejoined Shubin, putting his hat on the back of his head [Turgenev, 2017] / Нет, это не мой козырь, сказал Шубин...

С учетом того, что словоерс (сокращенное обращение *сударь*) в XIX веке означал почтение к собеседнику и являлся адресным окончанием, то удив-

ляет решение первого переводчика не обратить внимание на словоерс в оригинале и упустить нюанс, который привносит оттенок легкой иронии в обращение Шубина к Берсеневу. Хотя в русско-сербских словарях мы не нашли указания на значение словоерса, однако переводчик второго варианта, почувствовав или зная значение словоерса, внес в перевод слово *молим* (*прошу*), добавив тем самым в высказывание Шубина ноту шутливости или иронии. Как видим, английский переводчик тоже не стал останавливать внимание на словоерсе и переводить эту форму, хотя в английском языке внимание к различным оборотам речевого этикета имеет давние традиции, в силу чего любое отклонение от существующих норм обращения воспринимается как невежливость или преднамеренная грубость.

Таблица 2

Примеры перевода обращения *brateц*

Мы будем, <i>brateц</i> , в резерве, как некие ветераны... [Тургенев, 1977, с. 82].
Ми ћемо <i>brataц</i> у резерву, као неки ветерани... [Тургењев, 1935, с. 58].
Mi ћемо, <i>brajko</i> , u rezervu kao neki veterani... [Тургењев, 1963, с. 246].
‘We will form the reserve, my dear boy, like veterans,’ whispered Shubin to Berse-nyev [Turgenev, 2017] / Мы сформируем резерв, мой дорогой мальчик, как ветераны, — шепнул Шубин Берсеневу.

В данном примере мы видим, что переводчики перевели обращение *brateц* словами *brataц* и *brajko*, что соответствует значению слова в русском. Подтверждение находим в Словаре Кошутича: ‘кад образован човек говори војнику или просту човеку’ [Кошутић, 1926, с. 12] (Когда образованный человек обращается к солдату или человеку низкого сословия). Переводчик на английский язык слово *brateц* перевел *my dear boy* (мой дорогой мальчик), желая, по-видимому, подчеркнуть дружеские отношения персонажей, но, с нашей точки зрения, не почувствовав, что здесь есть и доля легкой иронии.

Важно учитывать тот факт, что русский и сербский языки исходят из совместного источника. Особенностью славянского языкового мира является ментальное наслоение, связанное с лексико-семантической группой «Семья». Даже и наименования во многих славянских языках, включая прежде всего русский и сербский языки, совпадают (*брат, сестра, мать / мајка, отец / отац, сын / син, внук / унук, теща / таишта, свекорвь / свекрва*). По этой причине чертой как русского, так и сербского психотипа является восприятие представителей окружающего социума (земляков, односельчан, соседей и под.) как членов одной семьи. В связи с этим в разговорной речи возможно использование номинаций ближайших родствен-

ников для обращения к знакомым или даже к незнакомым людям [Кононенко, 2015, с. 930]. Однако проблемы при переводе могут возникнуть со словом *дядя*, обозначающим как брата матери или отца, так и любого далекого родственника или даже незнакомого человека. В сербском же языке существует словесная разница: брат матери — *ујак*, а брат отца — *стриц*. Таким образом, переводчик должен по возможности анализировать семейные связи образов художественного произведения.

2. БЕЗЭКВИВАЛЕНТНАЯ ЛЕКСИКА. В эту группу мы включили переводы следующих лексем: *русалки, митенка, оброчить, казачок, молчальник, орден Станислава, дом построенный на петербургский манер, александрийская рубаха и разночинец* (табл. 3—11)

Таблица 3

Примеры перевода лексемы *русалка*

У нас есть <i>русалки</i> , — заметил Берсенеv [Тургенев, 1977, с. 12].
Ми имамо наше русалке — примети Берсењев [Тургењев, 1935, с. 14]. Прим. прев: вила [Ibid., с. 313].
Mi imamo rusalka — opazi Bersenjev [Тургењев, 1963, с. 199].
We have our roussalkas... [Turgenev, 2017].

В данном случае мы замечаем, что переводчики оставили слово *русалка* в сербском тексте, добавив в примечаниях перевод: *вила* — существо, обладающее сверхъестественными способностями. В сербском психотипе *вила* чаще всего ассоциируется с Вилой Равиойлой (*Вила Равиојла*) — горной нимфой, упоминающейся в сербской эпической поэзии цикла Королевич Марко, где данный персонаж является сестрой по крови эпического героя и помогает ему в боях. Однако в русской мифологии русалка — это вредоносный дух, способный зашекотать человека насмерть или утопить в воде. Очевидно, что разница в восприятии данного слова в двух культурах существует и должна быть отражена в переводе. Английский переводчик также оставляет слово *русалка*, адаптировав его согласно английской орфографии, хотя его современная версия — *rusalka*. Возможно, переводчик под влиянием названия оперы А. Дворжака на французском языке решил так его перенести в английский текст.

Лексеме *митенка* ('фр. *mitaine*, женские полуперчатки без пальцев' [ТСРЯ, т. 2, стб. 229]) переводчики перевели как *плетена рукавица* или *рукавица* (вязаная перчатка или перчатка). Однако анализ образа данного персонажа, легкого и воздушного, немного кокетливого, позволяет предположить, что автор надел бы на ее руку скорее перчатки без пальцев, которые подчеркнут белизну ее руки, нежели закрытую вязаную перчатку,

Таблица 4

Примеры перевода лексемы *митенка*

...откидывая хорошенькою ручкой, одетой в черную <i>митенку</i> ... [Тургенев, 1977, с. 15].
...уклањајући својом лепом ручицом, у црној <i>плетеној рукавици</i> ... [Тургењев, 1935, с. 15].
...odbacujući dražesnom rukom u crnoj <i>rukavici</i> ... [Тургењев, 1963, с. 200].
...and with a pretty black — <i>mittened</i> little hand pushing her long soft curls [Turgenev, 2017].

еще и черного цвета. В английском переводе использовано слово *mittend*, обозначающее именно то, о чем писал Тургенев — перчатки без пальцев, которые были модным женским аксессуаром в период написания романа. Английский и русский языки заимствовали слово, обозначающее данный аксессуар, из французского. А в сербском языке его нет, хотя сам предмет существует и называется *рукавице без прстију* (перчатки без пальцев). Этот факт объясняется тем, что слово вошло в английский и русский языки в XVIII или XIX веке, в то время как сербский язык в силу исторических обстоятельств (период сопротивления сербов османскому владычеству) не имел возможности заимствовать слова, касающиеся гардероба, из французского языка. Однако, с нашей точки зрения, переводчики могли использовать вариант, существующий в сербском языке (со значением ‘перчатки без пальцев’).

Таблица 5

Примеры перевода лексемы *оброчить*

...имение же было <i>оброченное</i> ; он поселился в Москве... [Тургенев, 1977, с. 17].
...имање беше дато под закуп; он се пресели у Москву... [Тургењев, 1935, с. 16].
... a imanje mu je bilo obročeno; on se nastanio u Moskvi... nap.prev. fusnota 3 Prije agrarne reforme od 1861. većina vlastele iz srednje Rusije, gdje zemlja nije jako plodna, puštala je svoje kmetove na zaradu u gradove na rad u tvornice ili na sezonski rad s time da gospodarima dadu određenu svotu (veći dio svoje zarade) u naknadu što uživaju vlastelinove zemlje. Pustiti kmeta u pečalbu zvalo se „pustiti ga na obrok [Тургењев, 1963, с. 201].
He was soon tired of country life, and as the peasants' labour was all commuted for rent he could easily leave the estate; he settled in Moscow in his wife's house [Turgenev, 2017].

Лексема *оброченное* в первом случае переведена как выражение со значением ‘сдать в аренду’. Во втором случае читатель получил полную историческую информацию о значении: до аграрной реформы 1861 года

большинство дворян из средней полосы России, где земля не очень плодородна, посылали своих крепостных в города для работы на фабриках или на сезонных работах с условием, что они будут отдавать барину известную сумму (большая часть их заработка) в качестве компенсации за использование господских земель. Эта ремарка помогает читателю лучше понять психологию персонажа и расширяет его знание об историческом контексте, что улучшает кросскультурную коммуникацию. Тем временем в английском варианте переводчик пишет: *Вскоре ему надоела деревенская жизнь, а поскольку весь крестьянский труд оплачивался арендной платой, он мог легко покинуть поместье; он поселился в Москве в доме своей жены.* Здесь сообщение об арендной плате не дает представления о зависимости крестьян от помещика.

Таблица 6

Примеры перевода лексемы *казачок*

Вошел <i>казачок</i> [Тургенев, 1977, с. 45].
Уђе <i>слуга у козачком оделу</i> [Тургењев, 1935, с. 33].
Uđe <i>dječak-sluga</i> [Тургењев, 1963, с. 220].
A <i>little page</i> came in [Turgenev, 2017].

Слово *казачок* переведено в издании 1935 года согласно значению, которое дал автор (в старинном дворянском быту мальчик-слуга, одетый в казакин или черкеску), рисуя обстановку в доме и дворянский быт Стаховых. Во втором переводе указывается только возраст слуги — мальчик. В русско-сербских словарях находим такое объяснение — *слуга в казачьей одежде* ('слуга у козачком оделу' [Анђелковић, 1903, с. 275]). Английский переводчик использует словосочетание *a little page*, имеющее в английском языке основное значение 'мальчик-слуга'. Однако как и в русском языке, в котором *паж* — это 'в середине века — мальчик дворянской фамилии, прислуживавший знатной или коронованной особе (преимущ. женщине; истор.)' [ТСРЯ, т. 3, стб. 16—17], в английском — значение слова *паж* несколько иное, нежели *казачок*. В целях приближения читателя к атмосфере России XIX века и тургеневским персонажам, с нашей точки зрения, переводчики, возможно, могли более подробно задержаться на объяснении значения данной лексемы, характеризующей быт русского дворянского сословия.

В случае перевода лексемы *молчальник* ('церк., человек, давший обет молчания из религиозных побуждений' [ТСРЯ, т. 2, стб. 252]) видим, что первый вариант ограничился только словом *hutamlića* ('тот, кто предпочитает молчать, а не разговаривать'), что соответствует русскому *молчун*. Во втором переводе находим историческую информацию: средневековый

Таблица 7

Примеры перевода лексемы *молчальник*

Он тоже в своем роде <i>молчальник</i> [Тургенев, 1977, с. 58].
Он је такође ћуталица своје врсте [Тургењев, 1935, с. 42].
On je, također, svojevrstni mučalnik. nap.rev. Srednjovjekovni monah koji je dao zavjet mučenja ili šutnje nešto kao današnji trapisti. Riječ mučalnik je neobična u savremenom književnom jeziku, ali postoji u A. R. [Тургењев, 1963, с. 229].
He is reserved, too, in his own way [Turgenev, 2017].

монах, давший обет самоистязания или молчания, — с помощью которой автор добавляет штрих в рисунок характера своего персонажа Инсарова. В русско-сербских словарях нет данной лексемы. На английский язык переводчик слово *молчальник* перевел как *reserved*, никак его не объяснив, остановившись лишь на факте неразговорчивости персонажа. Однако, с другой стороны, значение слова *reserved* свидетельствует ещё и об эмоциональной сдержанности, замкнутости героя — посредством такой номинации переводчик попытался дополнить информацию о характере Инсарова.

Таблица 8

Примеры перевода лексемы *разночинец*

Дочь столбового дворянина Николая Стахова вышла за бродягу, за <i>разночинца</i> ! [Тургенев, 1977, с. 170].
Кћи Николаја Стахова, племића првог реда, пошла за скитницу, за човека који не припада никаквом staleжу! [Тургењев, 1935, с. 113].
Kći plemića koljenovića Nikolaja Stahova udala se za skitnicu, za raznočinca. nap.rev Raznočinac — intelektualac koji ne pripada plemstvu, a potječe iz nižih društvenih staleža [Тургењев, 1963, с. 306].
‘Married! To that vagrant, that Montenegrin! the daughter of Nikolai Stahov of the higher nobility married to a vagrant, a nobody, without her parents’ sanction! [Turgenev, 2017].

Лексема *разночинец* (‘истор., в 19 в. в России — интеллигент из либеральной и демократической буржуазии, не принадлежавший к дворянству, выходец из духовенства, чиновничества, мещанства или крестьянства’ [ТСРЯ, т. 3, стб. 1182]) достаточно часто встречается в русской классической литературе: достаточно вспомнить самого известного из них — Базарова у И. С. Тургенева, а также Круциферского и Крупова у А. И. Герцена, Аграрина у Н. А. Некрасова или же Марка Волохова у И. А. Гончарова. Понятие разночинца как человека, принадлежавшего к непривилегированным сословиям, присутствует в переводах русской литературы XIX века на сербский язык, о чём свидетельствуют и рассматриваемые нами переводы.

В первом случае переводчик опускает само слово *разночинец*, заменив его расширенным объяснением (*човек који не припада никаквом сталежу*). Во втором тексте переводчик оставляет слово *разночинец* и в качестве примечания дает объяснение самого понятия (*интелектуалац који не припада племству, а потиче из нижих друштвених слојева*). Переводчик на английский язык не упоминает слова *разночинец*, но выражением *a nobody* (*он никто*) рисует полное пренебрежение Николая Стахова к Инсарову, тем не менее сокращая объем содержания понятия «разночинец».

Таким образом, анализ переводов показывает, что, когда речь идет об историческом понятии, вполне распространенном в литературе, сербские переводчики стараются отразить максимально близко исторический контекст русского произведения.

3.2. Перевод фразеологических выражений

Фразеологическое выражение в процессе перевода является одним из важных и сложных объектов, поскольку в этом случае способ переноса значения есть выражение «свидетельства о культуре и менталитете данного народа» [Маслова, 2001, с. 43]. При этом, по мнению С. Влахова и С. Флорина, в решении данной проблемы в зависимости от соотношения двух языковых систем (исходного языка и языка перевода) можно обратиться к трем вариантам: фразеологическим эквивалентам, функционально подобным фразеологизмам и нефразеологическим средствам [Влахов и др., 1980, с. 183]. Если речь идет о русско-сербской языковой паре, то можно сказать, что в переводческой практике встречаются все три варианта. Благодаря близкородственным отношениям двух языков, существует большое количество как фразеологических эквивалентов (*ума не приложу / нисам паметан*; что посеешь, то и пожнешь / *како сејеш, тако ћеш и да жањеш*; заварить кашу / *закувати кашу*), так и функционально подобных фразеологизмов (*стоит как истукан / стоји као дрвена Марија*; не в своей тарелке / *нису му све козе на броју*; кровь и молоко / *пуца од здравља*). В то же время в силу существующих лингвокультурологических различий есть и такие фразеологизмы, которые нужно переводить на сербский язык нефразеологическими средствами (*сесть в лужу / ставити некога у глуп положај*; с корабля на бал / *неочекивани прелазак из једне ситуације у другу*; остаться с носом / *намагарчити некога*). В рассматриваемом нами тексте романа «Накануне» мы находим по крайней мере два подобных фразеологизма: *в кои-то веки* ('разг., наконец-то, после большого промежутка времени, очень редко' [ТСРЯ, т. 1, стб. 241—242]) и *кусать (себе) локти* ('досадовать, сожалеть о непоправимом, потерянном' [СЛРЯ, т. 2, стб. 155]) (табл. 9, 10).

Данное словосочетание обозначает, что действие, о котором идет речь, происходит после долгого промежутка времени, очень редко. Однако в пер-

Таблица 9

Примеры перевода фразеологизма *в кои-то веки*

В <i>кои-то веки</i> приедешь домой... [Тургенев, 1977, с. 47].
Дођем кући, хтео бих да се одморим... [Тургењев, 1935, с. 35].
Nakon tolikog vremena dođeš kući, želiš se odmoriti... [Тургењев, 1963, с. 221].
When one's been away an age, and comes home hoping for rest... [Turgenev, 2017].

вом переводе на сербский язык переводчик никоим образом не передал значение данного фразеологизма. Во втором случае переводчик упомянул, что действие происходит после долгого времени (*након толико времена*), и тем самым учел значение русского фразеологизма *в кои-то веки*. Переводчик на английский язык использовал выражение *been away an age* (отсутствовать целую вечность), правильно поняв значение русского фразеологизма. Что касается сербского языка, возможно, данное значение лучше было бы ввести нефразеологическим средством, а именно определенным наречием — *најзад, напoкон*.

Таблица 10

Примеры перевода фразеологизма *кусать (себе) локти*

Я пришел сюда, потому что я готов <i>локти себе кусать</i> ... [Тургенев, 1977, с. 70].
Али ја сам дошао овде зато што бих лактове изгризао од јада... [Тургењев, 1935, с. 50].
Došao sam ovamo što hoću da se živ pojedem... [Тургењев, 1963, с. 238].
... because I am devoured by despair, anger, jealousy [Turgenev, 2017].

В первом переводе на сербский язык перед нами буквальный перевод фразеологизма (*лактове бих гризао од јада*), во втором переводе видим функционально подобное выражение (*жив бих се појео*), а в английском тексте переводчик описал состояние героя (*despair, anger, jealousy*) — отчаяние, гнев, ревность. С задачей, с нашей точки зрения, лучше всех справился переводчик второго варианта, поскольку он подобрал фразеологизм в сербском языке, отвечающий по значению исходному тексту — *сам бы себя съел*.

4. Заключение = Conclusions

На основе проведенного нами исследования особенностей кросскультурной коммуникации в текстах перевода романа «Накануне» И. С. Тургенева на сербский и сербскохорватский языки (а также для сравнения на английский) мы пришли к следующим выводам.

В рассматриваемых переводах мы, не желая ни в коем случае умалить работу переводчиков, заметили, что при переводе языковых единиц с культурно-историческим контекстом переводчики демонстрировали как кросс-культурные удачи, так и неудачи, которые чаще всего заключались в так называемых «нулевых переводах», то есть опускании важных для русской культуры элементов или в их замене единицами, типичными для сербского (или англоязычного) мировосприятия. Также, мы заметили, что существующие русско-сербские словари, несмотря на все усилия, прикладываемые лексикографами, не всегда адекватно фиксируют значение русских слов и фразеологических оборотов, тем более что в них, как правило, отсутствуют данные о коннотативных и фоновых значениях лексем. Поэтому, с нашей точки зрения, существует необходимость более конкретной лексикографической поддержки переводчиков, которая может быть реализована в отдельном лингвокультурологическом русско-сербском словаре.

Что касается сравнений с переводом рассматриваемого текста на английский язык, то предполагаемый нами вывод о том, что при переводе на близкородственный язык читатель будет нуждаться в меньшем количестве лингвокультурологических объяснений, не подтвердился. То есть, несмотря на генетическую близость языков и культур, особого внимания при переводе требуют как раз сугубо национальные черты, отраженные в каждом отдельном языке. Об этом свидетельствуют и слова У. Эко: «...перевод представляет собою переход не только из одного языка в другой, но и из одной культуры в другую... переводчик должен осознавать не только сугубо лингвистические правила, но и элементы культуры в самом широком смысле этого слова» [Эко, 2015, с. 272]. Таким образом, эмпирические данные, полученные в результате сопоставительных исследований переводов, позволяют накопить данные о трудных случаях переноса лингвокультурологических фактов из одного языка в другой, что даст возможность создавать лексикографические ресурсы в помощь переводчику.

<p>Заявленный вклад авторов: Павлович-Шайтинац М. — научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; участие в разработке учебных программ и их реализации; написание текста; итоговые выводы. Тяпков И. С. — участие в разработке учебных программ и их реализации; доработка текста; итоговые выводы. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.</p>	<p>Contribution of the authors: Maja B. Pavlović-Sajtinac — scientific management; research concept; methodology development; participation in development of curricula and their implementation; writing the draft; final conclusions. Цяа S. Tyapkov — participation in development of curricula and their implementation; follow-on revision of the text; final conclusions. The authors declare no conflicts of interests.</p>
---	---

Источники и принятые сокращения

1. *Анђелковић М.* Речник руско-српски (PPC MA) / М. Анђелковић. — Београд : Дворска књижара Мите Стајића, 1903. — 1001 с.
2. *Ивановић С.* Руско-српскохрватски речник (PPC СИ) / С. Ивановић, Ј. Петрановић. — Москва : Русский язык, 1976.
3. *К Паммахию* о наилучшем способе перевода — преподобный Иероним Блаженный, Стридонский. — Режим доступа : https://azbyka.ru/otechnik/Ieronim_Stridonskij/k_pammahiu/ (дата обращения 20.11.2023).
4. *Кошутић Р.* Примери књижевнога језика руског III Речник / Р. Кошутић. — Београд : Државна штампарија, 1926.
5. СлРЯ — *Словарь русского языка* : в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. — Москва : Русский язык ; Полиграфресурсы, 1999. — Т. 2. К—О. — 736 с.
6. ТСРЯ — *Толковый словарь русского языка* : в 4 т. — Москва : Советская энциклопедия : ОГИЗ, 1935—1940.
7. *Тургенев И. С.* Накануне / И. С. Тургенев. — Москва : Детская литература, 1977. — 216 с.
8. *Тургењев И. С.* Уочи нових дана / И. С. Тургењев. — Београд : Народна просвета, 1935. — 210 с.
9. *Тургењев И. С.* Уочи нових дана / И. С. Тургењев. — Загреб : Матица Хрватска, 1963. — 210 с.
10. *Turgenev I.* On the Eve / I. Turgenev. — London : Delphi Classics, 2017. — ISBN 9781788770316.

Литература

1. *Ајдуковић Ј.* Состояние и перспективы исследования русского и других языков / Ј. Ајдуковић // Зборник радова са V Међународног симпозијума Мапрјал. — Београд : Славистичко друштво Србије, 2000. — С. 104—110. — ISBN 978-86-83691-47-0.
2. *Бельская А. А.* «Накануне» И. С. Тургенева : типы связи имени и носителя в системе образов второстепенных персонажей романа / А. А. Бельская // Ученые записки Орловского государственного университета. — 2019. — № 4 (85). — С. 99—106.
3. *Булыгина А. Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / А. Д. Булыгина. — Москва : Языки русской культуры, 1997. — 575 с. — ISBN 5-88766-051-1.
4. *Верещагин Е. М.* Язык и культура / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. — Москва : Русский язык, 1990. — 247 с. — ISBN 5-200-01076-4.
5. *Влахов С.* Непере译имое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. — Москва : Международные отношения, 1980. — 341 с.
6. *Грушевицкая Т. Г.* Основы межкультурной коммуникации / Т. Г. Грушевицкая, В. Д. Попков, А. П. Садохин. — Москва : Юнити-Дана, 2003. — 352 с. — ISBN 5-238-00359-5.
7. *Гудков Д. Б.* Теория и практика межкультурной коммуникации Изд. 2, испр. / Д. Б. Гудков. — Москва : URSS, 2022. — 200 с. — ISBN 978-5-9710-7772-5.
8. *Гумбольдт В. фон.* Язык и философия культуры / В. Фон Гумбольдт. — Москва : Прогресс, 1985. — 452 с.
9. *Зализняк А. А.* Ключевые идеи русской языковой картины мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — 544 с. — ISBN 5-94457-104-7.

10. *Ивић П.* Преглед историје српског језика VIII / П. Ивић. — Сремски Карловци, Нови Сад : Издавачка књижарница Зорана Стојановића, 1988. — 344 с. — ISBN 978-86-7543-288-3.

11. *Кононенко И.* Система семейных ценностей в языковой картине мира славян / И. Кононенко // *Konstrukcje i destrukcje tożsamości. Wartości w świetle słowiańskim* / pod red. E. Gołachowskiej, D. Pazio-Wlazłowskiej. — Warszawa : Instytut Slawistyki Polskiej Akademii Nauk, 2015. — Т. IV. — С. 429—442.

12. *Маслова В. А.* Лингвокультурология / В. А. Маслова. — Москва : Академия, 2001. — 169 с. — ISBN 5-7695-0745-4.

13. *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир ; пер. с англ. под ред. и с предисл. А. Е. Кибрика. — Москва : Прогресс : Универс, 1993. — 654 с.

14. *Фрик Т. Б.* Основы теории межкультурной коммуникации : учебное пособие / Т. Б. Фрик // Томский политехнический университет. — Томск : Изд-во Томского политехнического университета, 2013. — 100 с.

15. *Шешкин А. Г.* «Русский след» в истории сербской литературы и критики 20-30-х гг. XX века (к вопросу о роли русской эмиграции в культурной жизни Сербии) / А. Г. Шешкин // *Филологические студии Университет «Св. Кирил и Методиј»*. — 2009. — С. 1—12.

16. *Штављанин-Ђорђевић Љ.* Челка — Русизам или србизам у законодавству Светога Саве / Љ. Штављанин-Ђорђевић. — Београд : Народна библиотека Србије, 1965.

17. *Эко У.* Сказать почти то же самое : опыты о переводе / У. Эко. — Москва : Аст, 2006. — 736 с. — ISBN 5-89091-316-6.

18. *Hall E. T.* Culture as Communication / E. T. Hall, H. Trager. — New York : Doubleday, 1954.

*Статья поступила в редакцию 12.10.2023,
одобрена после рецензирования 03.12.2023,
подготовлена к публикации 22.01.2024.*

Material resources

Andelković, M. (1903). *Dictionary of Russian-Serbian (RRS MA)*. Belgrade: Court bookstore of mite Stajić. 1001 s. (In Serb.).

Ivanović, S., Petranovic, J. (1976). *Russian-Serbo-Croatian dictionary (RRS SI)*. Moscow: Русский язык. (In Serb.).

Kosutić, R. (1926). *Examples of the literary language of Russian III Dictionary*. Belgrade: state press. (In Serb.).

SLRYA — *Dictionary of the Russian language: in 4 volumes*, 2. (1999). Moscow: Russian language; Polygraph Resources. 736 p. (In Russ.).

To the Pamphlet on the best way of translation — St. Jerome the Blessed, Strydomsky. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Ieronim_Stridonskij/k_pammahiu (accessed 11.20.2023).

TSRYA — *Explanatory dictionary of the Russian: in 4 volumes*. Moscow: Soviet Encyclopedia: OGIZ, 1935—1940.

Turgenev, I. S. (1935). *Uochi novikh dana*. Beograd: Narodna prosbeta. 210 p. (In Serb.).

Turgenev, I. S. (1963). *Uochi novikh dana*. Zagreb: Matica Hrvatska. 210 p. (In Serb.).

Turgenev, I. S. (1977). *The day before*. Moscow: Children's Literature. 216 p. (In Russ.).

Turgenev, I. (2017). *On the Eve*. London: Delphi Classics. ISBN 9781788770316.

References

- Aidukovich, J. (2000). State and prospects for the study of Russian and other languages. In: *Materials of the 5th international symposium MAPRYAL*. Belgrade: Slavic Society of Serbia. 104—110. ISBN 978-86-83691-47-0. (In Russ.).
- Belskaya, A. A. (2019). “On the eve” by I. S. Turgenev: Types of connection between the name and the bearer in the system of images of secondary characters of the novel. *Scientific notes of the Orel State University*, 4 (85): 99—106. (In Russ.).
- Bulygina, A. D. (1997). *Linguistic conceptualization of the world (in Russian grammar)*. Moscow: Languages of Russian Culture. 575 p. ISBN 5-88766-051-1. (In Russ.).
- Eco, U. (2006). *Say Almost the Same Thing: Experiments on Translation*. Moscow: Ast. 736 p. ISBN 5-89091-316-6. (In Russ.).
- Frick, T. B. (2013). Fundamentals of the theory of intercultural communication: a textbook. In: *Tomsk Polytechnic University*. Tomsk: Publishing House of Tomsk Polytechnic University. 100 p. (In Russ.).
- Grushevitskaya, T. G., Popkov, V. D., Sadokhin, A. P. (2003). *Fundamentals of intercultural communication*. Moscow: Unity-Dana. 352 p. ISBN 5-238-00359-5. (In Russ.).
- Gudkov, D. B. (2022). *Theory and practice of intercultural communication*. Moscow: URSS. 200 p. ISBN 978-5-9710-7772-5. (In Russ.).
- Hall, E. T., Trager, H. (1954). *Culture as Communication*. New York: Doubleday.
- Humboldt, V. von. (1985). *Language and philosophy of culture*. Moscow: Progress. 452 p. (In Russ.).
- Ivić, P. (1988). *Review of the history of Serbian language VIII*. Sremski Karlovci, Novi Sad: Publishing House of Zoran Stojanović. 344 p. ISBN 978-86-7543-288-3. (In Serb.).
- Kononenko, I. (2015). The system of family values in the linguistic picture of the world of the Slavs. In: *Konstrukcje i destrukcje tożsamości. Wartości w świecie słowiańskim, IV*. Warszawa: Instytut Sławistyki Polskiej Akademii Nauk. 429—442. (In Russ.).
- Maslova, V. A. (2001). *Linguoculturology*. Moscow: Akademiya. 169 p. ISBN 5-7695-0745-4. (In Russ.).
- Sepir E. (1993). *Selected works on linguistics and cultural studies*. Moscow: Progress Publishing house of the Univers Group. 654 p. (In Russ.).
- Sheshkin, A. G. (2009). Russian trace in the history of Serbian literature and criticism of the 20—30s of the twentieth century (on the role of Russian emigration in the cultural life of Serbia). *Filoloshki studio University “St. Cyril and Methodij”*. 1—12. (In Russ.).
- The Holy Spirit-George. (1965). *Čelka-Russianism or serbism in the law of St. Sava. The Stav-Djordjevic*. Belgrade: National Library of Serbia. (In Serb.).
- Vereshchagin, E. M., Kostomarov, V. G. (1990). *Language and culture*. Moscow: Russian Language. 247 p. ISBN 5-200-01076-4. (In Russ.).
- Vlakhov, S., Florin, S. (1980). *Untranslatable in translation*. Moscow: International Relations. 341 p. (In Russ.).
- Zaliznyak, A. A., Levontina, I. B., Shmelev, A. D. (2005). *Key ideas of the Russian linguistic picture of the world*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 544 p. ISBN 5-94457-104-7. (In Russ.).

*The article was submitted 12.10.2023;
approved after reviewing 03.12.2023;
accepted for publication 22.01.2024.*